

ФИЛЬМ-МОНОЛОГ «Мне 90 лет, легкая моя походка» — это драматический сюжет для размышления о судьбе русской интеллигенции.

У величественного Музея изобразительных искусств, у его парадного подъезда стоит старая женщина с палкой. Из-под выцветшей меховой шапки смотрят усталые глаза на этот храм искусств. Старенькое пальтецо, бесформенная обувь. Неуютность самочувствия на виду у всех — словом, законченный образ одиночества, беззащитной старости.

А ведь это дочь профессора Ивана Владимировича Цветаева, основателя Музея изящных искусств, — 94-летняя Анастасия Ивановна.

Когда-то музей издал на правах рукописи переписку Цветаева с архитектором Романом Ивановичем Клейном. Увлекающее чтение! Какой организаторский, даже провидческий талант надо было проявить Ивану Владимировичу, сколько душевных сил посвятить своему прекрасному детищу: он объездил всю Европу в поисках образцов для московского музея! Не представляю, чтобы кто-то в наше время отважился на такой поступок, поистине подвиг самоотвержения. Казалось бы, советское правительство должно было на руках носить потомков профессора Цветаева. Ничуть не бывало! Изничтожилась сама память о Цветаевых. Расстрелян муж Марины, ее дочь Аля 8 лет провела в лагерях и ссылках, сестра Анастасия 10 зим и лет скиталась по 25 лагерям Дальнего Востока. Обездоленность, изломанность судьбы, нищета и трагический финал Марины — наш неизбывный стыд и позор.

И вот десятилетия спустя младшая сестра Марины Анастасия Ивановна пришла к музею. Не встречают ее благородные и прекрасно воспитанные служители искус-

Москва, Комсомольск 1989. — 1 июня — С. 4

Из рода Цветаевых

МАРИНА ГОЛДОВСКАЯ И НОВЫЙ ФИЛЬМ СТУДИИ «ШАНС»

ства; не заморский и не чиновный гость — обойдется! Скорее всего, они и даже не знали об этом визите старой дамы. Тем более что Анастасия Ивановна недовольна, как обошлись здесь с научной коллекцией отца. Иные ретивые искусствоведки договариваются до вандализма — мол, гипсовые слепки с античных и других классических оригиналов оскорбляют подлинность живописных шедевров, надо, дескать, выбросить цветаевские коллекции, дабы они не разрушали единства композиции. Одна из них подобную точку зрения отстаивала на страницах «МК», но никто из читателей ее не поддержал...

О чем думала Анастасия Ивановна у величественных колонн музея на Волхонке? Возможно, она вспоминала суматошные дни перед открытием музея, как шли роскошный мундир для Ивана Владимировича, для торжества открытия, где дамам надлежало быть в белых длинных платьях, но без шлейфа и декольте...

Режиссер и оператор Марина Голдовская и автор сценария Татьяна Александрова рассказывают и показывают, во что превратили цветаевские места в Москве.

Вот дом на улице Писемского (бывший Борисоглебский); здесь 8 лет жила Марина Цветаева. Справедливо было бы срочно, пока еще стоит дом, организовать мемориальную квартиру великой русской женщины-поэта. Живущая неподалеку пенсионерка, как умеет, борется с водопадами с крыши — подставляет ведра, ко- рота.

На фасаде дома Марины — след людской тревоги: «Не разрушайте его, потомки!».

А время уносит еще одно свидетельство. И некому ответить за равнодушие и запустение.

Анастасия Ивановна ломает наше представление о почти вековом возрасте. Речь ее не поражена склеротическими паузами, она помнит множество стихов, с явным удовольствием читает наизусть. Ей приятно общение с людьми. Режиссер снимала Анастасию Ивановну в писательском Доме творчества в окружении подруг — Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной и Евгении Филипповны Куниной. Каждая — яркая личность. Камера Марины Голдовской любит врожденной грацией этих милых старушек, не утративших вкуса к жизни и к дорогим воспоминаниям, к искусству. Лещенко-Сухомлина поет под гитару, и не как-нибудь, а с подлинным артистизмом. Голдовская сделала фильм с доверием к каждой собеседнице. Она умеет слушать и многое видеть. В звуках старинного фортепиано уловлен ритм былого быта с ритуалами древних праздников. Анастасия Ивановна читает стихи — когда-то они читали их в унисон с Мариной — «...Мы из старого дамаса два клинка» — сестры внешне были очень похожи.

Можно не разделять оптимизма Анастасии Ивановны, что будто бы ей удалось определить место захоронения Марины. Можно оспорить ее чисто бытовое объяс-

нение причины самоубийства поэта — эгоцентризм сына Марины Георгия. Конечно, эгоизм не сбросишь со счетов. Но довело до отчаяния великую женщину-поэта милостью божьей общее — писательское и государственное — равнодушие. Есть тысячи возможностей уничтожить поэта. Здесь, на Родине, просто распяли душу Марины Цветаевой. Христианский мотив всепрощения — основа философии Анастасии Цветаевой. Она не жалуется на судьбу, никого не винит в своих бедах. Более того, помнит до сих пор свои слова, сказанные когда-то следователям: «Все происходит с согласия Божия». О этот вечный вопрос русских интеллигентов — «Кто виноват?». У сидящих в зрительном зале свои на него ответы. Есть они и у режиссера. Но не о том она снимала фильм-монолог.

Он о неисчерпаемых возможностях человека. 94-летняя Анастасия Ивановна бежит по дороге нам навстречу. Она любит эти свои короткие пробежки.

— Живите себе, как жили вчера... Не надо лежать! — слышим мы ее уговаривающий голос. Каждое воскресенье она старается пойти в церковь, чтоб исповедаться. Какие ее грехи! И все-таки — «сбрасываю свои ошибки и с новой силой стараюсь жить дальше». Вот он, двигатель — с новой силой жить!

...Женщины перебирают города, где им пришлось побывать:

— Вы были в Италии! — говорит одна с удивлением. — А я никогда не была, — и с безнадежностью: — Неужели я так и не побываю в Италии?

Не в наших силах принести этой женщине утешение. Мы вместе с авторами видеопленки, снятого в студии «Шанс», размышляем о времени и о себе.

Наталья ДАРЫКИНА.